

П.П. Африкантов

Иванова гармонь

или

*сказ о том, как на саратовской
гармонике колокольчики зазвенели*

Саратов 2021

П.П. Африкантов

Иванова гармонь

или

*сказ о том, как на саратовской
гармонике колокольчики зазвенели*

Саратов

2021

Африкантов П.П.

ИВАНОВА ГАРМОНЬ

или сказ о том, как на саратовской гармонике

колокольчики зазвенели. 55 стр. г. 2021 .

Этот сказ об одном из символов города Саратова и Саратовской губернии – саратовской гармонике с колокольчиками. Колокольчики – одно из главных отличительных особенностей нашей гармонике. Как они появились на инструменте рассказывает автор произведения.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование
П.П. Африкантова.

© П.П. Африкантов, 2021

Июль. Жара. По деревне идёт мирской бык. Он то и дело останавливается, круто нагибает голову, почти касаясь ноздрями земли, фыркает, отчего в разные стороны разлетается облачками седая пыль и, захватывая копытом передней ноги землю, бросает её себе на спину. Как только жители деревни услышали его устрашающий рёв, их как ветром сдуло с деревенской улицы. Разбежались по домам и ребятишки, что играли у сараев. Сарай же находились как раз против домов однопорядковой улицы, через дорогу. Засеменила от колодца баба в с ведром воды, то и дело, в страхе поглядывая в сторону быка. Вышел из дома мужик, обутый в лапти и с граблями, намереваясь куда-то идти. Вышел и тут же остановился, вперив взгляд в бычину.

Не убежал из оравы ребят лишь один мальчик лет десяти. Он как сидел, спиной к быку, так и продолжал сидеть на бревне у сарая, а бык подходил к нему всё ближе и ближе. Мальчик что-то вырезал ножичком из ивового прута. Казалось, что он настолько сильно увлечён, что не слышит приближающейся смертельной опасности. Только так мог подумать любой, кто был в деревне первый раз, и не знал Вани Торопка.

Торопок – не фамилия, а прозвище. Его дед Митрофан – тоже Торопок. И его отца Торопком звали. Так вот по нему и зовут всех Торопками. Торопком дедушкиного отца прозвали из-за особой суетливости. Он всегда куда-то торопился. Окна закрыть на ночь ставнями – торопится, трубу закрыть печную – торопится. Дети первого Торопка, а затем уже и его внуки, в принципе, никогда и никуда не торопились, но тоже назывались Торопками. Видно так деревенским было удобнее понимать о ком идёт речь. Без всяких уточнений. А тут скажут «Торопок» – значит дед Митрофан. А если скажут «маленький Торопок» – то тут любому понятно, что речь идёт о внуке. В общем, довольно о деревенских прозвищах, вернёмся к уличной ситуации.

А бык всё приближался. Мальчишка, наверняка бы убежал, как и его сверстники, и не сидел на пути у быка. А не убежал он и даже не встал с бревна от того, что просто бычьего угрожающего рёва совсем не слышал. Доходившие до него звуки он принимал за дальние раскаты грома. Ваня был просто сильно глух от давнего испуга. Про таких говорят, что им медведь на ухо наступил. Только Ване никто на ухо не наступал. Пять лет назад, совершенно здоровый мальчик, вышел вот так же на улицу и встретил там этого самого быка. Страх перед громадным животным был настолько сильным, что Ваня перестал говорить и слышать.

Рёв быка услышала родная бабушка Вани – Степанида. Она взглянула в оконце, отставила в сторону

ухват, и, вытирая о подол руки, выбежала спасать внука. Бык уже прицелился поднять на рога не только мальчишку, но заодно и бревно, как рядом выросла высокая, прямая фигура Степаниды. Нет, она не бросилась на быка с палкой, не стала на него кричать. Да что кричать и махать палкой. Нет в деревне физической силы, чтобы могла этакую громадину остановить.

В общем, бабушка Вани и не стала ничего делать того, что предпринимают в этой ситуации отчаянные люди. Степанида, перекрестившись, подошла к разъярённому быку и часто, не переставая, стала не размашисто, а мелко его крестить, при этом просто и этак утешительно говоря:

– Ну, что, Милорд (так в деревне звали быка) обидели тебя... Прости их, Милорд... Люди часто бывает не знают что творят. Пусть твой гнев станет милостью... А Бог тебе за это наградит хлебушком, – и она, запустив руку в карман передника, извлекла из него кусочек хлеба и поднесла к носу Милорда. Милорд вдохнул запах хлеба, взял его в рот и начал жевать, а пальцы Степаниды в это время уже заскользили по шее быка, лаская её горбатые складки. Постепенно гнев и ярость стали уходить из животного. Он перестал угрожающе реветь, но глаза его всё ещё были налиты от былой ярости кровью.

В этот момент Ваня оглянулся и, увидев огромную с торчащими рогами, голову вожака деревенского стада, на секунду испугался, но увидев рядом бабушку, тут же

расплылся в улыбке. А через пять минут бык уже вытянул шею и бабушка с внуком оглаживали её, приводя Милорда в абсолютно мирное состояние. А ещё через некоторое время они уже втроём шли к деревенскому пруду, где стояло стадо коров и женщины выдаивали своих любимиц. Захватила с собой ведро и Степанида. Она подошла к своей Зорьке и, ласково разговаривая с коровой, стала её доить.

В поступке Степаниды не было ничего необычного. В деревне утихомирить быка могла только она и не раз это делала.

Ваня, ожидая бабушку, присел на плотину, стал глядеть на мелкую рябь воды, да разглядывать снующих туда и сюда стрекоз. Он не слышал, как звенели комары, фыркали коровы, весело переговаривались женщины. Мир звуков в этом диапазоне для него был закрыт. Он лишь ощущал дуновение ветра, но не слышал его. Он видел, как разговаривают люди, раскрывая в определённом порядке рот. Он даже умел немного, в общих чертах, понимать о чём идёт речь по губам. Вот и сейчас, сидя на плотине, он чувствовал, как касается, выходящий из груди воздух, языка, гортани, зубов и ему было приятно. Ваня в это время улыбался, понимая, что в этот момент он приближается к чему-то сокровенному и ему было радостно.

За такими упражнениями он не заметил, как к нему подсел обутый в лапти незнакомый с длинной седой бородой старичок в косоворотке с холщёвой котомкой через

плечё. Когда Ваня увидел его, тот кивнул мальчику, как будто знал, что мальчик лишён слуха. Незнакомец развязал котомку, достал из неё, завёрнутую в тряпицу небольшую иконку. После этого старичок встал на колени, повернувшись лицом на восток, жестом указал Ване следовать его примеру и стал молиться. Ваня, повинувшись старичку, встал с ним рядом на колени и, как учила его бабушка, стал креститься и кланяться на восток. Моление продолжалось недолго. Таинственный дедушка, закончив молиться, встал, положил мальчику руку на голову и произнёс:

– Отныне отрок будешь слышать всё и всегда. Господь-создатель дарит тебе возможность слышать и чисто говорить и слух твой будет лучше, чем у кого-то ни было. Молись Богу, Ваня.

– Я слышу! – вскрикнул мальчик. – Я понимаю, что ты мне говоришь, дедушка! Почему же я этого не умел раньше!? – проговорил он в замешательстве и восторге.

– Господни пути неисповедимы, – сказал старик. – Прими этот Божий дар с трепетом. Твоя душа созрела не только для понимания и восприятия человеческого голоса, но и для понимания глубинных красот звука. Красот, которых большинство людей не достигают, а почитают звук за обыкновенный шум. Но это не так.

Ваня был на вершине блаженства. Он умел говорить и слышать. Это было так здорово. Он купался в звуках произнося слоги и целые слова и не мог насытиться

новыми возможностями. Обыкновенный человек без физических недостатков не радуется тому, что он говорит и слышит для него это норма жизни. Он не мыслит себя без речи и слуха и потому ему не понять во всей полноте радости мальчика.

Ваня так бы и перебирал звуки, купаясь в их разливах, если б не бабушка. Степанида подоила Зорьку и подошла к Ване. Увидев и услышав, что её внук, чётко и правильно, без заикания произносит звуки и целые слова, она остолбенела от неожиданности.

– Я теперь говорю, бабуль! – выкрикнул Ваня.

Радость переполнила старушку и Степанида в изнеможении от мгновенно пережитого, выронила ведро и оно, расплёскивая молоко, покатилося с плотины. Ваня опустился перед бабушкой на колени и обнял её ноги. Старушка прижав внука к себе, плача говорила:

– Услышал Господь мои молитвы... Как же так! Как же это произошло?!

– Да ты не волнуйся... баб. Дедушка один старенький подходил, молился и сказал, что я теперь буду слышать и чисто говорить как все и даже лучше.

– Какой дедушка? Где же он? – встрепенулась Степанида.

– Не знаю. – Пожал плечами Ваня. – Только что здесь был.

Сбежались, побросав доить своих коров женщины. Все дивились тому, что Ваня хорошо слышит и чётко говорит, и смотрели вокруг, пытаясь увидеть на уходящих от стойла дорожках божьего человека.

С этого момента у Вани наступила другая жизнь. Так получилось, что Ваня не знал своих родителей, и как он стал себя помнить, то всегда видел около себя бабушку и дедушку. Он привык к этому положению и утвердился в понимании того, что ближе и роднее их никого у него на свете нет. Ванина семья не бедствовала. Дедушка Вани, Митрофан Торопок, был известный на всю округу шорник. Ему лошадиную упряжь заказывали не только мужики из соседних деревень, но и из самого города Саратова. Сшитая им сбруя была не только прочной, но и очень красивой. Правда, силы уже потихоньку начали покидать Митрофана и он всё меньше брал простые заказы, а старался получить в губернском городе заказы подороже, так выгоднее и сил меньше уходило, и душе было приятнее. Достаток в семье Митрофана Торопка, хоть и без избытка, всегда был.

В этот достаток и бабушка Степанида свою лепту вносила. Правда, её вклад был гораздо скромнее. Она просто из глины лепила игрушки, расписывала их и, вместе с дедом, возила на ярмарку продавать. Митрофан своей шорной продукцией торгует, а она своей, не менее нарядной и привлекательной.

Особенно ей удавались разного рода свистульки с головами птиц, баранчиков и собачек. Окружат на ярмарке Степаниду ребятишки и давай насвистывать. Дед Митрофан даже сердился на неё из-за этого свиста. Угрожал в следующий раз не брать Степаниду с её глиняным товаром, потому как голова от свиста гудит. Только куда там. Не успеет он дома все хомуты, седёлки и подпруги на воз положить, глядь, а Степанида уже со своей корзинкой на возу сидит.

Ваня тоже помогал бабушке лепить из глины игрушки, но больше помогал наносить на них при помощи разных палочек геометрические украшения. Он сам готовил эти палочки с треугольниками и квадратами на торцах, а вот кругляшки делал из стеблей высохших трав. Этому его научила бабушка Степанида. Теперь же он мог помогать ей делать и свистульки, потому как из-за своей глухоты он этого делать раньше не мог. Не понимал он тогда, для чего делает бабушка все эти дырочки. Не знал он о том, что эти дырочки в игрушке помогают рождаться свисту. Теперь же, имея очень тонкий музыкальный слух, он мог делать такие свистушки, которых никто в деревне не сделает. Да что в деревне – во всей округе. Но это всё будет не сегодня. Он услышит, как играет на свистушках бабушка, как играет подпасок Ефрема на своей дудочке. Только после этого он сделает свой первый свисток, а потом и свистушок, который отличается от свистка большими размерами и в нём протыкается больше игральных

отверстий. Это всё будет потом, а сейчас Ванюша ходит по дому и говорит, говорит, говорит.

Вечером к домику Торопка потянулись жители деревни, потому как весть о событии быстро пролетела по улицам и переулкам. Пришёл Архип с Пелагеей, приковылял хромой Игнат с сыном; кое-как притащился, будучи всегда навеселе, Пахом с бабкой Ляксандрой. Позже других пришёл пастух Ефрем, потому как было надо пригнать в деревню стадо коров. Хотя, будучи рядом с коровами во время дойки он один из первых узнал о произошедшем чуде и теперь пришёл за тем, чтобы обсудить произошедшее с мужиками.

Ефрем подошёл, поздоровался, хотя уже рано утром всех видел, потому как выгонял коров в луга, присел поближе к Ване на завалинку. Он буквально смотрел в рот говорящему мальчику, когда тот, возможно десятый раз рассказывал собравшимся о том, что с ним приключилось на плотине.

* * *

Давно минуло то время, когда Ваня научился говорить. Он стал об этом забывать. И, наверное, забыл бы, если б товарищи не напоминали с которыми он ходил в церковно-приходскую школу. В школе их учил отец Лаврентий. Человек он был предобрый, но требовательный. После окончания церковно-приходской школы Ванюша стал усердно помогать деду в шорницкой. Вскоре мальчику и восемнадцать лет подоспело. Ваня вырос,

окреп, возмужал. На него стали девчонки засматриваться. А почему бы и не засмотреться – высокий, статный, весёлый, дело в руках имеет. Дед его всем шорным премудростям научил, с постоянными заказчиками свёл, чтоб все знали внука, шорных дел мастера Ивана Торопка. Всё складывалось в жизни Вани наилучшим образом. Казалось бы, бери Иван дело в руки, а дед уж будет помогать по мере возможности. Но не тут-то было. Не тянется особо к шорному делу Иван, всё больше возится с валдайскими колокольчиками, с их перезвонами. Чего-то там в них подтачивает, выгибает, укорачивает, да со свистульками экспериментирует.

Это не очень нравится Митрофану. Свистульки – свистульками, колокольцы – колокольцами, но и заказы надо выполнять. Отлегло у деда Митрофана, когда внук, сделав небольшую, красивую душку к седёлке, прикрепил на душку четыре валдайских колокольчика, а под дугой, над лошадиными головами, оставил один, побольше. Некоторые ямщики умудрялись подвешивать под дугу до семи колокольчиков. Шуму, разумеется, от этого много, а вот композиция не всегда складывается. Просто не все ямщики обладали хорошим слухом, а как-то выделится очень хотелось.

Здесь и пришло Ване в голову – разнести колокольчики по упряжи. Что он и сделал. Композиция получилась, но не прижилась из-за своего неудобства. Ямщики же отметили про себя: «Парень с головой, из него

толк будет. В простых шорниках он не засидится». Дивился способностям внука и дедушка. На похвалы мужиков он только кричал да покручивал гвардейские усы.

Так, возможно, и дальше бы дело шло, Иван бы шил сбрую, возил её с дедом на ярмарку и снова бы шил, и снова возил, кабы на саратовской ярмарке не подошли к нему двое черноусых парней. Посвистели они в разные свистульки и свистушки, поприщуривались, разглядывая глиняные дудочки, покусали усы, осмотрели шорную продукцию, потрогали руками украшения на уздечках и хомутах, покрутили в пальцах латунные вензелёчки и медные вкладыши да и обращаются к Ивану. (Дедушка в это время ушёл посмотреть другие товары):

– Тебя Иваном зовут, – спросил высокий, а меня Николаем батюшка крестил, а он, – Николай кивнул на другого парня, – он на Дмитрия откликается. Это брательник мой. Будем знакомы... И он пожав руку Ивана продолжил говорить. – Слышали мы о тебе, Иван, потому и нашли тебя, и имя твоё знаем. Добрые люди подсказали.

Такое начало разговора понравилось Ивану и он приготовился слушать. Братья были постарше его. После обмена рукопожатиями перешли к деловому разговору. Первым о деле заговорил Николай.

– У тебя, Иван, классные свистульки получаются. Сам делаешь?

– Конечно сам...

– И строй ставишь сам?

– Кто ж за меня? Этому бабушка научила.

– А голоса как настраиваешь? Подо что? Можно под пилу...

– Да не подо что я не настраиваю, – отвечает Иван. – Так слышу.

– Ну, если ты так слышишь, то и разговор у нас к тебе будет серьёзный.

– Мы, Ваня, надомничаем, гармони на дому делаем. Слышал про такие артели. – Пытливо всматриваясь в лицо Ивана, поддержал разговор Дмитрий. – Гармонь это тебе не свистулька из глины. Только ты не обижайся. Дело тебе предложить хотим.

– Он правду говорит, – кивнул Николай на брата. – Ученик нам нужен, подмастерье. Только в нашем деле каждому такое дело не предложишь. У человека к гармонии предрасположение должно быть и слух ни как у всех.

– А какой у меня слух? – спросил Иван.

– Отличный у тебя слух, Ваня. – Начал говорить фальцетом запальчиво Дмитрий, – Слух у тебя просто замечательный. Из тебя отличный гармонных дел мастер выйдет.

Его перебил Николай. Запальчивость брата в серьёзном разговоре была ни к чему.

– Гармонь... инструмент сложный. – Продолжил он баском. – Его понять надобно, а на это не один год уйти

может, пока ты с ним на одном языке не заговоришь. Такой это инструмент. Вот мы нашим семейством и предоставляем тебе возможность себя в этом деле попробовать... Иди к нам. Жильё у нас есть. Мастерская и жильё под одной крышей. Не бойся, не обидим.

Иван огляделся, выискивая взглядом деда. – Не видит ли? Деда рядом не было и можно было разговаривать дальше без опаски.

– А с харчами как?

– За одним столом есть будем, – ответил Николай и широко, располагаяще улыбнулся. – Нам не принеси-подай человек нужен, а ученик с пониманием, чтоб помощником стал, а затем и мастером. Ты украшения на хомутах и седёлках сам делаешь или по заказу получаешь?

– Сам, конечно. Меня всему дедушка научил: и с кожей работать и с тканями и прошивку делать и дорожки разные. Седёлки тоже сам гну, уздечки сшиваю. Если надо, то на стременах узоры набью.

– Значит, с железом тоже имеешь дело? – уточнил Николай.

– А как же. Без этого не обойтись.

– Вот видишь, как славно, получается, – улыбнулся Дмитрий. – У нас в гармонном деле такие же материалы. Плюс к этому ты понятие о звуке имеешь. Свистульки об этом говорят. Давай, паря, к нам. Хватит тебе хомуты да подпруги шить, расти, повышай свой класс,

переходи на новый уровень. У нас всё то-же самое, как и у тебя, только тоньше, нежнее и работа кропотливее.

Ваня такого оборота не ожидал и немного смутился. Затем поборов смущение сказал:

– Я согласен, только вот дед как? Он же из меня шорника сделал. Я его надежда и опора. Один я у стариков.

– Твой дед хорошее дело сделал, молодец. – Ответил Николай. – Опорой его ты как был, так и останешься. Этому твоя будущая профессия не помешает. Как ты считаешь – дед хорошую ковку произвёл? – спросил он.

– Можно сказать, да. – Смутился Иван. – Мы с ним тоже надомничаем, только не в городе, а в деревне, недалеко от Саратова.

– Ну, раз дед у тебя шорную мастерскую имеет и ты уже этому делу научен, то тебе самое дело себя испытать. Не получится, тогда в шорники к деду уйдёшь. А коли получится, зацепит, то гармонное дело освоишь. Оно тебя самого не отпустит. По рукам. – И знакомцы обменялись рукопожатиями.

Когда вернулся дедушка Митрофан, словесный договор между гармонных дел мастерами и Иваном был уже заключен и детали нахождения Ивана в доме братьев оговорены. Осталось только вернуться в деревню взять запасные штаны и рубашку, только и всего. До деревни Иван молчал и деду о своём решении не говорил. Не знал он, как об этом деду Митрофану сказать. Тут даже не обидой с его

стороны пахнет – а вдруг помрёт с расстройства. Ведь он в нём души не чает. Обучил всему. Шорника из него сделал. Но и такую возможность упускать Ивану не хотелось. И Иван пошёл на хитрость. Он не стал говорить бабушке всю правду в лоб, а стал излагать своё решение намёками. Митрофан, поняв намёки, встревожился и позвал на разговор бабушку Степаниду.

– Почто зовёшь, чай я в сенцах делом занимаюсь, пряжу перебираю? – проговорила та, подходя к столу за которым сидели дед с внуком.

– А потому и зову, что Иван в город ехать замышляет, тамошнюю жизнь посмотреть и себя показать желает. А я ему говорю, что город ничему путному не научит, разве что по трактирам шляться.

– Я хочу, бабушка, стать гармонных дел мастером, меня из-за этих свистулек пригласили и из-за того, что я шорничать могу.

– Шорничать он может... – сердился дед. – Свистульки у него хорошие. – Это ты, – погрозил Митрофан пальцем Степаниде, – Твоя наука. Без твоих бы игрушек обошлись, чай не без куска хлеба сидели. Э-э-ех! – И Митрофан махнул в порыве гнева рукой.

– Деда... Знающие люди говорят, что в моих свистульках хорошо тональность подобрана, что у них строй хороший, выверенный. Говорят, что кто такой строй одной палочкой сумел сделать, то значит у того слух хороший, музыкальный.

– Ага,... Слушай больше. И кто тебе эту ересь в уши вложил? Крапивой бы того по заднему месту! – Не унимался дед Митрофан.

– Это что за музыкальный слух такой? – спросила Степанида.

– Это, бабуль, когда человек слышит и различает такие звуки, какие другие не слышат и не различают. Вот, например, ты слышишь когда самовар заклохотал, а бабушка не слышит. Так ведь?

– Это так, – улыбнулся дед, – я не слышу, а она слышит, с самой юности так. А вроде не глухой. Ну ладно... Если надумал внучек – езжай, отговаривать более не буду. Только запомни – я тебя в город не гоню, сам решил. Слушай дальше. Парень ты с мозгами, в плохие дела не пойдёшь, а если в себе тягу к делу чувствуешь, то иди. Иначе будешь нас всю жизнь недобрым поминать. Как я свою благоверную.

– Вот. Он и тут меня вспомнил, – заворчала бабушка. – Давно уж пора забыть. Так нет же, всё помнит...

– А что за история? – спросил Иван.

– История простая. – Начал дед. – В молодости моя сбрюя получила первый приз на ярмарке. Ко мне подходит генерал и говорит: «А не желаешь ли ты, Митрофан, сын Пантелея, перевестись шорником в государеву конюшню? Должность высокая. – Я мнусь, а он продолжает. – Ответ завтра передашь с моим вестовым». Степанида в ответ как заголосит, она со мной была, будто я уже покойник и ну меня

слезами омыватор. Просто сдурела баба. Кричит: «Не надо нам никаких столиц. Ты хочешь меня бросить, на вертлявой кокотке жениться задумал. Не пуцу, а уходить будешь, топором зарублю. Если ни мне, то и ни кому». Вот так это было. С тех пор из деревни только по ближним ярмаркам езжу и никто мне такого предложения из высших чинов больше не делал. Вот так-то. Возможно и тебе это предложение первое и последнее. Всевышний два раза не предлагает.

После слов деда и предчувствуя скорое расставание, Степанида заголосила. Только куда там. Митрофан был на стороне внука и это было железным условием того, что поездка Ивана в Саратов состоится. Через два дня, взяв палку и повесив на неё котомку, Иван пошёл в город.

* * *

Николай и Дмитрий Карелины встретили Ивана с нескрываемой радостью. Они показали ему перво-наперво мастерскую. Она была небольшая и располагалась на втором этаже старого дома. В мастерской пахло густо липой, клеем и кожей. На стеллажах стояли несколько видавших виды гармоник.

– А эти вы для чего здесь держите? – спросил Иван.

– А для того держим, – раздался голос из-за фанерной ширмы уже пожилого человека, – что мы их ремонтируем и продаём. – Лист фанеры отодвинулся и Иван

увидел щуплого, но ещё очень крепкого старичка с лысоватой головой и большими ушами. «Геннадий Михалыч Карелин, – проговорил он. – Отец вот этих молодых и усатых братьев. – Он широко и по-доброму улыбнулся. – Ладно, ребята, – сказал он сыновьям, – идите, погуляйте, а я тут с Ваней о деле поговорю, с азами познакомлю. – И как только за братьями закрылась дверь, Карелин старший, взяв с верстака небольшую квадратную пластинку, что уместится на детской ладошке, сказал:

– Это, Иван, заготовка рамки. А вот, – и он взял другую похожую пластинку. – На этой рамке уже пробито отверстие, проёмом называется. – Вот эта же рамка, но с наклёпанным стальным язычком с одного конца и стоит он строго посередине проёма. – Карелин старший показал рамку с язычком, который, казалось, полностью закрывал проём. – Обрати внимание, что этот чёрный язычок не закрывает проём полностью, а изгибаясь движется в нём, дрожит.

Геннадий Михайлович осторожно подцепил ногтем верхнюю часть язычка, немного оттянул и отпустил. Иван увидел, как язычок задрожал, а точнее стал колебаться в проёме. Геннадий Михайлович поднёс рамку к губам и сильно дунул на язычок, раздался резкий пронзительный дребезжащий звук.

– Ух, ты! – только и вымолвил, поражённый увиденным и услышанным, Иван.

– Вот так-то? – Карелин улыбнулся. – Всё это, в сборе, Ваня, называется голосовой планкой. Эта планка есть сердце любой гармоники. Язычок колеблется в проёме, совершая возвратно - поступательные движения и рождает звук. Оттого, насколько качественно ты сделаешь голосовую планку, обточешь язычок, сделаешь подгонку и будет зависеть качество звучания сделанной гармоники. Вот так вот уважаемый будущий коллега... На сегодня хватит. Теперь обедать. Когда желудок пуст – много не наработаешь и многого не усвоишь. Однако переедать тоже нельзя, лень будет одолевать. А теперь пошли в нашу столовую.

По пути в столовую и в столовой за столом Геннадий Михайлович рассуждал:

– За этим инструментом будущее. Я это сразу сообразил, как увидел гармонику на нижегородской ярмарке. Продавалась там немецкая семиклапанка. Я её и купил. Привёз домой, разобрал, всю механику до тонкостей изучил и играть научился. На следующий год снова поехал в Нижний Новгород на ярмарку. Там увидел тульскую гармонику. Тульская это доработанная немецкая. Иван Сизов доработал. Когда мы с ним говорили на ярмарке, то Иван мне сказал, что не дорабатывать немку нельзя, иначе под неё бабы толком плясать не могут. Правильно сказал. Умница. Настоящий самородок. Я это и сам почувствовал, только на первых порах решимости не хватило для доработки, посчитал немецкого изобретателя дотошнее себя.

Теперь гармоник в городе и по деревням достаточно. Вот, занимаемся с сыновьями их ремонтом и наладкой. Люди ведь как – мех прохудился гармошку к нам, сами боятся починить. Ну а если язычок запал, тут уж никуда не денешься, только к мастеру.

– А отчего он запасть может? – поинтересовался Иван.

– Клёпка прослабла, язычок чуть в клёпке провернулся и упёрся в стенку проёма. Вот и всё. Болезнь обыкновенная.

– А отчего слабнет язычок в клёпке? – опять спросил Иван.

– Много от чего: расширение у металлов разное, а тут в холод то её родную в избу, то из избы. Там жара, а на улице холод, вот тебе и расширение, и сжатие. – Помолчав, добавил, – Правильные вопросы задаёшь, паря. В самую суть проникаешь, хвалю. Вот этим мы и живём. Только через некоторое время поняли, что одними ремонтами особо не прокормишься и стали пробовать сами гармоники изготавливать. Это уже Николай предложил, его идея. – Карелин старший кивнул на сына, тот смутился.

– Скажите тоже, тятя. Ваша наука. – Буркнул Николай. Дети в семье Карелиных звали отца Тятей.

– Наука моя, а идея твоя. Тут мне не перечь. – Проговорил Карелин старший, – и, глядя на Ивана, продолжил. – Николай у нас вообще большой выдумщик.

– У него, тятя, этого не отнять, – подтвердил Дмитрий. – Я так не могу. Я могу очень точно подогнать, но чтобы новое придумать – это не моё.

– Не прибедняйся, братуха. Как ты язычки подгоняешь – я в жизни не подгоню. Один раз, Иван, он так подогнал язычки к проёмам, что гармошка играть перестала. Хохма была. В мастерской, на втором этаже гармошка играет, а на первом этаже не желает.

– И что же было? – заинтересованно спросил Иван.

– А было то, – смеясь, сказал Николай, – наш гений точности, такой минимальный зазор установил, что на первом этаже, где более прохладно, чем на втором, его гармошка уже не играла, ей было холодно. У материала рамки сжатие и расширение было больше чем у язычка. Вот язычок в более холодном месте и клинил.

– Скажешь тоже, – буркнул смущённо Дмитрий.

– Теперь мы вышли на новый уровень, если раньше только ремонтировали, то теперь стали делать гармошки сами, с нуля, – возвысил голос Карелин старший. – Опробовали, получилось. Особенно голову не ломали. Разобрали до винтиков Сизовскую и стали её копировать. То есть, надо было научиться самим делать звуковые планки, вырезать подгонять и наклёпывать стальные язычки. Проще всего было делать короба. Николай у нас столяр. С этим проблем не было. А вот всё остальное, пришлось осваивать.

Клапаны, рычажки, пластинки, всё вроде, мелочь, а без них никак.

– С тобой легко работать, – говорил на следующий день Николай Ивану. – Ты для нас просто находка. Тебе только столярничать надо немного поучиться. Пазы нарезать, со шпоном работать. Без этого гармонные коробки не сделаешь. Пилить и рубить я вижу ты мастак. Здесь же особый навык нужен. – Он берёт пилку и начинал показывать, как нарезаются пазы. – Ты сейчас больше смотри, как мы с братом это делаем. Можешь дня три ничего не делать, только смотри и вникай в процесс. Из чего состоит гармошка? Во-первых, из дерева, картона, материи, кожи и металла. В своей шорной мастерской ты имел дела и с кожей и с материей и с металлами. Даже, говоришь, медные, мельхиоровые, серебряные, украшения на сбрую для лошадей делал. Делал то как, вырезкой или литьём?

– Было и то и другое, – ответил Иван. – Только у нас всё это поглубе было. Инкрустировали обычно оловом или. А я смотрю олово у вас не в почёте.

– Глаз у тебя острый, заметил, – сказал Николай.

– Как же не заметить. Всё видно. Когда особенно то, с чем сам работал.

– Что тебе, Ваня, на это сказать... Где-то применяем и олово.

– У нас эксперимент не запрещается, а поощряется, – вставил Дмитрий. – Ты вначале научись делать

коробки из липы, да мех собирать и выклеивать. Надо всё по порядку, от простого к сложному.

– Понял, – радостно проговорил Иван.

Через три дня, как и сказал Геннадий Михайлович, Иван приступил к работе. Он стал делать коробку. Иван обтачивал липовую доску напильником. Душа его пела. Он был несказанно рад тому, что его нашли настоящие мастера своего дела, он видит их работу, но многого ещё не может, не понимает. Вон Геннадий Михайлович, занимается только настройкой инструментов. Эту операцию даже Николай и Дмитрий не всегда могут сделать и часто обращаются к отцу за помощью. Потому старший Карелин и сидит за фанерной ширмой, чтоб лучше сосредоточится на издаваемых язычками звуках. Он же, Иван, обязательно всему научится! Научится всему... всему. Надо от Дмитрия научиться нотной грамоте. А вначале надо научиться делать короба, потом он научится делать клапана и голосовые планки. Это всё так заманчиво и интересно.

Если б не Геннадий Михайлович, возвестивший о конце рабочего дня, то Иван так бы и пилил и обтачивал белоснежные липовые доски.

* * *

Иногда к ним в гости приходил сосед немец Гюнтер Кляйн и обязательно заводил разговор о музыке. При этом он начинал нахваливать немецкую гармошку и немецких

мастеров давших жизнь инструменту. У Гюнтера Кляйна была своя немецкая семиклапанка и он иногда на ней играл.

– Семиклапанка – это венский строй, – говорил он. – Немецкие мастера знают своё дело. Этот самородок Бушман из Тюрингии, просто голова. Её не надо менять.

– Прошу прощения за неделикатный вопрос, – сказал старший Карелин, подмигивая Ивану. – В народе песни различаются по жанрам и ладовому строению. На сегодня не придумана ещё такая гармошка, чтобы могла удовлетворить всех певцов и что прикажете господин Кляйн с этим делать?

– А ничего не надо с этим делать. Просто ничего. Обратите внимание, уважаемый, говорит с пафосом Гюнтер. – У каждого человека своя неповторимая походка, но стоит этому человеку встать в военный строй, как он сразу меняет походку. Она у него по команде становится единой со всеми. У всех солдат роты, полка, батальона единая походка и никаких противоречий. Ради искусства можно поступиться всеми этими, как вы говорите, особенностями и я вам привёл отличный пример.

– Ваш пример сногшибательный, – засмеялся Карелин, вытирая выступившие от смеха слёзы. – Против него мне нечего сказать. Вы, Гюнтер, большой оригинал.

– Я ещё сказать, – продолжил гость, – У вас нет своя национальная гармошка. – Вот вы так и рассуждать.

– А тульская, – парировал Геннадий Михайлович.

– Фи... – произнёс в ответ немец. – Тульские мастера много экспериментируют, подгоняя строй под национальные особенности местных жителей. Этого нельзя делать. Гармошка должна играть, так как её сделал мастер. Пусть певцы и плясуны подстраиваются под её звучание, а не гармошка под певцов.

– А как же народ будет петь и плясать, если музыка не та?– Вставил Николай.

– Вы не можете понимать душа мастера, его изобретательское чутьё, – парирует Гюнтер. – Простой народ, эта толпа. Она ещё не доросла до немецкий гений. Вот так. Идя по тульскому пути, вам молодой человек! придётся сделать десятки разных гармоник, чтобы удовлетворить желание необразованных толп с разных окраин огромной Российской империи. Но, это невозможно. Это противоречит здравому смыслу.

– Но почему ж это невозможно? Возможно, – парирует Геннадий Михайлович. – Я недавно смотрел, сделанную в Туле, гармошку для марийцев, удивительный инструмент. Он как будто родился в гуще этого волжского этноса. Его распевы и возможности тульской совпадают. Ничего лишнего.

– Не делай из меня дурак, Геннадий Михайлович. Иначе я разочаруюсь в ваших способностях, – бросил Гюнтер, и, надвинув шляпу на самые глаза, вышел. Это означало, что он очень расстроен и придёт не скоро.

Прошло два года. Иван был старательный ученик. Он уже свободно делал гармонные короба, украшал их мельхиоровой вязью или латунной чеканкой, мастерил приводные механизмы и даже изготавливал голосовые планки и настраивал голоса. С голосовыми планками шло пока не всё так гладко, как бы хотелось. Карелин старший его хвалил за усердие и подбадривал, говоря, что он за это время, сколько Иван занимается гармонным делом, мог только короба собирать.

Иван чувствовал, что Геннадий Михайлович просто его подбадривает. Он был хороший психолог и понимал, что у именитых мастеров бывают психологические сбои, а тут ученик и следил за этим в оба глаза.

В одно из воскресений Карелины собрались на острова. На этих островах посредине Волги собиралось в погожие выходные дни множество народа. Одни хотели побыть на природе, другие показать свою удаль. И каких тут только не было музыкантов. Здесь и дудели и свистели и пиликали, мастера осматривали инструменты, выделяя их особенности и определяя качество звучания. Не обходились такие празднества без гармошки. Разноголосые гармошки присутствовали в разных компаниях, игроки тоже были разные, каждый со своей манерой игры. Карелины привезли тоже пару своих гармошек и старались вовсю, растягивая меха и нажимая на кнопки.

Эти выезды нравились Ивану. Можно было полюбоваться красотами Волги с её огромными водными просторами, познакомиться с интересными людьми. Чаще всего это были или музыканты, или плясуны, или певцы. Любил он слушать задорные частушки, отмечая про себя особенности исполнения частушечниц и гармонистов. Красота исполнения во многом зависела от искусства проигрыша.

Иван пошёл по острову, прислушиваясь к звучанию гармоник и на слух, выделяя их сильные и слабые стороны. Он остановился недалеко от одной чопорной компании с креслами – качалками из ивовых прутьев и плетёными низкими столиками, на которых были разложены деликатесы. Но его заинтересовали не плетёнки, а звучание гармошки, которую растягивал, сидя в кресле, усатый унтер. Этот унтер играл просто виртуозно. «Интересное у гармоника звучание» – подумал Иван. Он так заслушался музыкой, что отрешился от всего на свете.

– Ну что... нравится? – раздался совсем рядом молодой женский голос. Иван оглянулся и увидел милостивую девушку в широкополой шляпе, подвязанной у подбородка. – Никогда не видела такого сосредоточения, какое увидела на вашем лице. Это забавно.

Дальше в разговоре она всё время повторяла это слово «забавно», что накладывало на её речь определённый неповторимый шарм.

– Правда, забавно играет офицерик? Вы в этом что-то находите?

– Да-да... конечно, кивнул Иван.

– Это мой брат. У него забавные усики, вы не находите?

– У его гармоники интересное звучание... – выдавил Иван. – Никогда такое не слышал.

– А вы что, сударь, разбираетесь в гармошках. Это забавно. Вы из каких будете и как вас зовут? – весело спросила девушка.

– Я Иван.

– И это всё?

– Нет не всё. – Я музыкант только от части, и не могу так виртуозно играть как ваш брат.

– Вам действительно нравится, как он играет?

– Действительно.

– А я Настя. – Вот и познакомились. Продолжайте же говорить о себе, Иван. Мне так интересно.

– Я учусь делать гармоники. Мой учитель говорит, что я уже научился их делать. Только мне кажется, что он мне льстит.

После этих слов глаза у девушки расширились. Она восторженно всплеснула руками, захлопала в ладоши и громко сказала, чтобы её слышали в компании:

– Друзья! Очень забавная информация. – Она немного помедлила, чтоб на неё обратили внимание. – Это Иван. Он гармонных дел мастер.

– Да не мастер я ещё, не мастер, – зашипел Иван.

– Мне лучше знать, – проговорила Настя полупшепотом, – и не сопротивляйся. – Она взяла Ивана крепко за руку и потянула за собой, к компании.

– Мне, право, неудобно. Я не из вашего круга... – мямлил Иван следуя за своей повелительницей. Он готов был провалиться под землю от стыда. Но что-то его удерживало от того чтобы не вырвать пальцы из цепкой руки Насти и не уйти. Он хотел продолжать оставаться в её власти. Он хотел слышать её голос, хотя понимал, что её богатая семья не будет в восторге от знакомства с ним.

Не успел он опомниться, как уже находился в кругу чопорной компании. На него уставились с десяток пар глаз. Одна, сидящая за столиком барыня, наверное, мать Насти, в белом с голубыми вставками платье, взяла лорнет и уставилась на Ивана, а затем проговорила:

– Ты, доча, неисправима. Кого ты притащила к нам на этот раз. Экзотика нам ни к чему. Ты нас ей уже перекормила. Нравится ей знакомиться с людьми из мужицкого сословия.

– Да вы что!!! – возмущённо и обиженно выкрикнула Настя. – Вам не интересен этот уникальный человек?!

– Почему же, сестра, – если его поприличней одеть, то он сойдёт и за интеллектуала, – не так ли, папА. – И он посмотрел в сторону полного мужчины в качалке под большим зонтом, пытаясь увидеть его реакцию.

– Меня, Настя, больше интересует не уникальность твоего и нашего теперь знакомого, а сколько на его счету в банке денег? – Проговорил худой, высокий мужчина с сигарой во рту, стоявший чуть в стороне.

– Ты, дядя, сегодня не оригинален. – Парировала Настя.

– Настенька... дочка... Ну уймись же ты, наконец,... Это всё свежо, но не ново.... Боже мой... – произнёс отец Насти.

– Ты, папА, опять завёл свою песню. Это уже даже не забавно, – парировала девушка. У вас принято всех моих знакомых принимать в штыки и наводить на них критику.

– Я пойду, – проговорил Иван, потихоньку освобождая пальцы из руки Насти.

– Хорошо. Мы уйдём, – проговорила Настя, – но уйдём вместе. Вы считаете, что мне интересно знакомиться с вашими друзьями с потными руками и лоснящимися лицами?! Нисколько... Но я это до сих пор делала. Теперь не буду. С меня хватит. Это совсем не забавно...

– Ну, доча. Не надо так реагировать... – произнесла мать девушки и подмигнув окружению, добавила.

– Мы совсем не против твоих новых знакомств. Ты чувствительная девочка. Я понимаю, что тебе хочется необычного. Мы все это понимаем, все были молоды и в определённой степени экзальтированы. Мы готовы послушать твоего нового знакомого, – и она, повернув лицо в сторону Ивана, спросила. – Сударь, изготовление гармоник это призвание или это обыкновенная работа, дабы заработать себе на жизнь?

– Для меня это призвание, – ответил коротко Иван. – У меня есть профессия, которая меня прокормит, но я осваиваю гармонное дело.

– А чем вы докажете, что это призвание? – спросил Настин брат, отставляя в сторону гармошку. – Призвание, я считаю, это не когда ты выбрал профессию, а когда в этой профессии состоялся и чего-то достиг. Чего достиг? – спросите. Отвечаю. Например, достиг народного признания. У вас, как я полагаю, пока нет ни того ни другого. Не так ли?

Все изучающе посмотрели на Ивана, ожидая от него равного ответа и понимая, что Иван в силу своего образования, образа мышления, круга общения, на этот вопрос не сможет ответить. Но они ошиблись. Иван, глядя в глаза собравшимся, а, точнее сказать, переводя свой взгляд с одних лиц на другие, проговорил:

– Мой дед шорник. Он высококлассный специалист. Его приглашали работать в царские конюшни. Он меня научил всему, чего умеет сам.

– Он, господа, ещё и шо-о-рник!!! Браво! – засмеялся офицер. – Ты, сестра, верно, этого не знала? Конечно... Откуда же тебе было это знать за пять минут знакомства, – а затем, обратившись к Ивану, спросил язвительно, – А ты, Иван, решил из шорников стать гармонных дел мастером?

– Именно так, ваше благородие.

– Забавно... – произнесла удивлённо Настя, и в упор посмотрела на Ивана.

– А ты слушай, сестрёнка, слушай. Твой гармонный мастер, по мановению волшебной палочки только что превратился в шорника, – проговорил офицер. Кем он станет в следующую минуту мы не знаем, да и ты не знала про его уникальные шорные способности, – Браво, Настёна, браво. Этому можно поаплодировать.

– Пошли отсюда, – тихо шепнула Настя Ивану. – Они всё равно не поймут. Хотя все образованные люди. – И Настя с Иваном тихо отошли от компании.

Потом Иван и Настя долго бродили по острову, сидели на берегу, слушая шуршание волн на песке, смеялись и Настя всё время говорила: «Это забавно, это очень забавно, что мы встретились».

– Забавно что? – спросил Иван, смотря в её такие близкие и ставшие ему так быстро родными глаза, носик, вьющаяся прядка волос на лбу.

– Как что?! – глаза Насти восторженно расширились. – Забавно, что мы встретились. Забавно, что летают птицы. Всё забавно. Посмотри вокруг. Что мы дышим – тоже забавно. И что внутри нас бьётся сердце. А ещё есть душа невидимая и непостижимая.

Так Иван и Настя начали встречаться и встречались целую неделю. Они: то уходили в парк, то уезжали на острова, то в непогоду нанимали извозчика, медленно ездили по городу и разговаривали. Им, было приятно находиться вместе.

– Мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь, – говорил Насте Иван. – А ты?

Она помолчала немного, а затем вдруг отрывисто в душевном волнении тихо сказала, – Я люблю тебя, Ваня... – и тут же зажала ему рот ладошкой, чтобы он ничего не ответил, продолжила. – Я тебя так люблю, что даже боюсь своей любви. Я боюсь за тебя, я всё время думаю о тебе. То мне кажется, что на тебя напали разбойники и глумятся над тобой. Страшно. То появляется образ брата, как в дымке и пропадает. Ваня! Это предчувствие, или это я так растрепала свои нервы.

– Конечно, нервы. Я здоровый парень, что со мной станется. Успокойся, родная. Хочешь, я сделаю для тебя, то чего ты себе вообразить не можешь.

– А сделай мне, Ваня, гармонику, звонче которой нет в мире!

– Сделаю, родная, сделаю...

– Я верю, – и тут же встрепенулась. – А ты не хвастаешь?

– Для тебя всё что угодно, милая.

– Сделай такую, чтоб она играла и её не могли заглушить ни раскаты грома, – уточняла Настя, – ни визг полозьев на мостовой, ни крики грузчиков на причале и, когда она играет, душа бы рвалась из груди, а ноги сами пускались в пляс. Звучание её должно быть широким и весёлым одновременно. – Глаза Насти при этом излучали неотразимый свет. Она говорила, находясь в восторге и в радости. Говорила просто так, чтобы радоваться и удивляться. Ей было, в общем-то, всё равно, сделает Иван такую гармошку или нет, но он говорил ДА и она ему верила. Если б он сказал что воздвигнет над Волгой мост, то она тоже бы в это поверила. Поверила не в то, что это возможно или нет, а в то, что это сказано её Ваней.

– Задорная, значит, чтоб была, – уточнил Иван.

– Вот-вот, задорная, Ваня. Я это слово никак не могла вспомнить. Я задорная Ваня. Ах, какая я задорная. И гармошка такая же должна быть.

– Я сделаю такую гармонику Настён. Обязательно сделаю.

– Как же ты её сделаешь, когда таких гармоник нет в мире!?

– А в Саратове будет и будет она стоять на твоём окне.

– Любимый... Не говори так, иначе я расплачусь, – сказала Настя и счастливые слёзы текли по её щекам.

Влюблённые находились и жили во время свиданий в своём мире. Мире не похожим на обычную жизнь обыкновенных людей. Но рядом существовал другой мир, мир осторожный, мир циничный. И если Иван с Настей встречались, то это совсем не означало, что за ними не было догляда. Тройка соглядатаев непрерывно следовала за ними, то в виде старух, почтальонов, дворников, меняя одежды и меняя образы. Иван и Настя нанимали извозчика и тут же сзади экипажа прицеплялся какой-то человечек и катился с ними до тех пор, пока молодые не отпустят извозчика. Причём этот человечек в конце пути, ловко отцеплялся от повозки и тут же терялся. Соглядатаи были до того в этом искусны, что молодые даже не подозревали о такой опеке со стороны Настиных родителей. Соглядатаям был дан приказ нисколько не мешать таким свиданиям, а если Насте будет угрожать опасность, то предохранить её от всех эксцессов. Влюблённые просто не знали, что нанятые соглядатаи докладывают, по приказу Настиного отца, о каждом их шаге.

Даже тогда, при первом знакомстве, на острове, недалеко от них ловил рыбу рыбак, который мало смотрел на поплавок, а чаще бросал косые взгляды на Ивана и Настю, тоже был соглядатаем.

Настины родители были люди не только образованные, но и умные. Они не дали дочери свободу, они показывали видимость свободы и не более того, рассчитывая на то, что увлечение дочери пройдёт и она выберет достойного молодого человека. Просто вразумительные родительские беседы они отвергали, потому, что они не давали ничего. Интерес же дочери к молодому человеку не ослабевал. Это настораживало и пугало родителей. Решено было посоветоваться с доверенными лицами.

Вечером в доме управляющего собрались самые доверенные люди, говорили тихо. Все понимали, что с Настинной стороны простое увлечение перешло в нечто большее и с этим надо было что-то делать? Было решено разорвать отношения молодых и если потребуется, то и силой. Решить вопрос было поручено Настинному брату. Тот отнекиваться не стал, а, щёлкнув шпорами, и энергично поклонившись собравшимся, оказавшим ему столь высокое доверие, вышел из комнаты.

– Не до смерти только! – вслед проговорил Настин отец. – Ещё нам убийства не хватало.

В этот же вечер в подворотне дом Карелиных на Ивана было совершено нападение. Когда на улицу на шум

выскочили Николай и Дмитрий, то дело уже было сделано. Иван валялся в луже крови, а трое бандитов усердно пинали его сапогами. Увидев братьев, напавшие дали дёру, но Дмитрий, всё же узнал одного из них. Это был лодочник с пристани.

Ивана принесли в комнату, обмыли кровь и позвали доктора. Доктор осмотрел больного. С помощью братьев он крепко обмотал грудную клетку Ивана простынёй, так как у него были сломаны рёбра и, сказав, какие из лекарств как надо принимать, ушёл. Дмитрий пошёл за лекарствами.

Иван долгими днями и ночами лежал на кровати. К нему заходили братья и старший Карелин. Кормила его жена Николая, Аксинья. Больше всех около постели Ивана крутился сынишка Николая, Миша. Он что-то всё время рассказывал Ивану, а так как он не выговаривал букву «Р», то слова звучали забавно.

Иван поймал себя на мысли, что употребил слово, которое часто использует Настя – *забавно* и улыбнулся этому. Настя и так не уходила из его памяти ни на минуту. Чаще всего он вспоминал их первую встречу на острове. Правда, он недоумевал – почему родители Насти с первого дня не пресекли их встречи? Для него это было загадкой, а потом вот эта расправа.

– Дядя Ваня, а ты научишь меня лепить свистки из глины? – спросил Миша.

– А как же, конечно научу, – потрепал мальчика по кудрявой голове Иван.

– Я выласту и стану мастелом как ты.

– Это почему же как я, а не как дедушка или дядя Дима?

– А они не умеют лепить свистки из глины, а делают только галмошки.

– Веский довод, – улыбнулся Иван. Хотелось засмеяться детской непосредственности, но смеяться, кашлять и глубоко вдыхать ему было нельзя, начинала болеть грудь.

Лодочника братья нашли без труда. Он вначале от всего отказывался, а когда Николай с Дмитрием на его же лодке отвезли нападавшего подальше от берега и указали на камень, что прихватили с собой, то лодочник сразу во всём сознался. Остальных уже брала полиция.

В этот же вечер дворник со двора, где жили Карелины, шепнул дворнику управляющего о том, что по приказу брата Насти, трое бандитов за хорошие деньги избили Ивана. Эта весть дошла до Насти. Брат Насти, перехватив дворника, дал ему денег и тот доложил Насте, что Ивана убили бандиты. Настя в начале, забилась в истерике, а затем на неё напала апатия. В этом состоянии её посадили со служанкой в карету и отправили, как посоветовали врачи, за границу.

Иван поднялся с постели через два месяца. Карелины знали, что Настю увезли за границу лечиться, но не

знали, какой её снабдили перед этим информацией. Иван выздоравливал и надеялся на встречу с девушкой. Ему хотелось выполнить Настину просьбу, и молодой мастер продумывал всевозможные варианты внутреннего наполнения гармоники. А тут пришла весть о том, что дедушка совсем плох. Иван решил ехать к деду. Николай и Дмитрий наняли ямщика. Иван взял с собой недоделанную гармошку, некоторые инструменты и сел в повозку.

– Зачем гармонь с собой берёшь? – спросил Дмитрий.

– Не знаю как долго я там задержусь. Чтоб дело не стояло... – ответил Иван.

– Это правильно, – поддакнул глава семейства.

Дедушка Митрофан был совсем слаб. Бабушки Степаниды уже не было, и он сам преодолевая слабость, топил печь. Дед и внук обнялись и расцеловались. Иван хотел заставить дедушку Митрофана лечь в постель, но тот заупирался и, кряхтя сел за стол.

– Ну, давай, внучек, рассказывай – чему ты в городе научился. И чего тебе из шорной науки пригодилось?

– Да всё, дедуль, пригодилось и бабушкина наука тоже.

– Неужто всё? – удивился дед. – Неужели в гармонию хомут запихали и как-то его там приспособили? Шучу, конечно. Но ты рассказывай, рассказывай, мне всё интересно.

– В гармониях, дедушка, как и в твоих лошадиных доспехах всё есть и кожа, и металл разный, и древесина, и материя. Ты учил меня со всем этим работать, учил. Вот и пригодилось, только более тонкие да чувствительные из них детали приходится делать.

– Ты смотри-ка! Значит, не пропала моя наука? – обрадовался дед.

– Конечно, не пропала...

– А ты знаешь, внучек. Я ведь тогда, когда к тебе ребята на ярмарке подходили, я их узрел, а тебе не сказал об этом и вида не подал. Посмотрел на них и ничего в них плохого не увидел. Побоялся я тогда их и тебя спугнуть, дал время поговорить. А оно, вон как вышло.

– Спасибо, дедуль. Спасибо, что сказал, – у Ивана навернулись на глаза слёзы.

– Как я отойду к Господу, сразу из деревни не уезжай, поживи малость, подумай. Родные стены они силу душе дают. От чего далёк был, так сразу всё приблизится и образуется. Душе в деле побольше свободы давай. Она всё соткёт, всё направит. Дома побудь. Слышишь!?

– Слышу дедуль. Обещаю, что не уеду сразу... Только ты так не говори, ещё поживёшь. Хочешь, я тебя отсюда в Саратов заберу, вместе жить будем.

– Спасибо внучек. Спасибо. Говорят, что доброе слово лечит. Только оно меня не вылечит, а вот к Господу, к

Степаниде моей отойти поможет. Я её недавно во сне видал. Стоит она значит с этим быком Милордом. Помнишь такого?

– Я его, дедуль, всегда помню.

– Стоит она, эдак Милорда по шее гладит, смотрит на меня и улыбается. Ничего не говорит, а просто улыбается и всё. –

Митрофан немного помолчал и продолжил.

– Знак это мне Степанида подаёт. Говорит она мне этим: «Заканчивай, Митрофан, свои земные дела и иди к нам, а мы уж тут тебя встретим.

– Рано к бабушке собрался, дедуль.

– Не рано, а в самый раз. Сегодня на дворе 1865-й год идёт. Стало быть, мне без малого девяносто. А ты говоришь – рано. В самый раз. Ты молодой, тебе этого не понять. А что приехал, это хорошо, это правильно. А теперь помоги мне повернуться к стенке и лечь на бок.

– Я сейчас, дедуль, сейчас помогу.

Только Иван стал деда к стенке лицом поворачивать, глядь, а он и обмяк весь, преставился.

После похорон деда Иван продолжал жить в его избе. Изба была прочная, срубовая. Дед Митрофан любил всё делать надёжно. Сразу после похорон пришла соседка, тётка Дуся. Посидела немного с Иваном, справилась о его житье-бытье и, заторопившись, ушла. Иван ещё немного побыл в горнице, затем встал и из передней комнаты прошёл в заднюю, а из неё, открыв боковую дверь, прошёл в

мастерскую. Здесь, как и прежде, густо пахло кожами. Иван подошёл к верстаку, с любовью и трепетом осмотрел инструменты, потрогал гладилку для разглаживания швов и прошвы, взял в руки дорожник, десятилетиями служивший деду для проведения на коже дорожек. Всё было надо. Без множества инструментов было никак нельзя. Нет мастера без этих помощников. «Надо б упаковать инструмент, – подумал Иван, а затем продать. Или лучше поспросить, кто в деревне сейчас шорничает, с ним договорится».

Иван сел на лавку и обхватил голову руками. Всё было родное, близкое. Вроде и ждёшь этого, а придёт смертушка – от неё не отмахнёшься. Затем Иван зачем-то выдвинул один из ящичков верстака и вздрогнул. Это был его ящичек. Ему его дедушка отдал. На дне ящика лежали всё те же Валдайские колокольчики, с которыми он когда-то экспериментировал. Иван взял один из маленьких колокольчиков и зазвенел им. Красивые нежные звуки разлились по мастерской. Не зная почему, Иван, как только звуки гасли, снова и снова покачивал колокольчик и, снова благородное звучание наполняло мастерскую. Здесь были и совсем маленькие бубенчики. Но вот Иван поставил колокольчик на стол, взял в руки гармонь, стал осторожно нажимать на клавиши. Гармонь вздохнула и первые аккорды всколыхнули сумрак комнаты. Сразу всё изменилось. Звуки уходят, гаснут, появляются снова, а Иван, как очумелый, вслушивается в совершающуюся в его душе и сердце

фантазию и не может понять, что с ним происходит, к чему всё это, откуда? Зачем?

И вдруг – звук колокольчика... Неведомый, дальний. Но какой уверенный, смелый и самостоятельный... Ни этот ли колокольчик разбудил в нём спящие до сего силы и они взбурлили подчинив себе душу и сердце... А может быть он готовит их к чему-то более значительному?

Стоп! Откуда же ему быть? Ах, да, отдушина... Этот пришелец проник в мастерскую через неё. Какой он смешной, торопливый, напористый. Вот ведь появился ниоткуда и ведёт свою песню. Нет его здесь, а он поёт. «Стоп! – думает Иван. – Какой же он храбрец! Какая в нём тяга к жизни, к воле, к просторам. Такого звучания в городских кварталах не встретить». Иван растягивает мех и трогает то бас, то аккорд. Но, что это, не успел новорождённый аккорд обрести силу – а валдайский храбрец уже здесь, он уже влился, он уже обнял аккорд и повелевает им. Да как славно и мастерски ведёт, нежно, трогательно, поднимая созвучие аккорда на небывалую высоту...

– Вот это удача... – выдохнул изумившись Иван. – У меня так никогда бы не получилось. Оказывается колокольчики басы и аккорды прекрасно совмещаются!!! Здорово!!! А теперь, где этот кучер с улицы? Ведь с другим колокольчиком может и не получиться. Надо быстрее его опередить, чтоб не ускакал...

Иван быстро выбегает на улицу и видит возницу на пролётке. Бежит наперерез, машет, чтоб остановился. Кричит: «Стой! Стой!». Кучер попридержал лошадь, рассматривает Ивана, говорит:

– Чего под копыта бросаешься? Аль жить надоело?

– Федька! Ты?!

– Ну, я...

– А я, Иван. Чо... Не узнал что ли?

– Как же ты не узнашь, оглобля стоеросовая... Чё, выскочил, будто тебя в доме кипятком ошпарили...

– Просьба к тебе. Ты, Федя, прокатись по деревне. Я хочу твой колокольчик послушать.

– Чё? Опять на старое потянуло, вот неугомонный. – Федька ухмыляется по-доброму, с интересом.

– Нет, у меня другое, Федя. – Не то, что было.

– Ванюха! Ради тебя! Да я хоть пять раз туда, сюда промчусь.

– Мне много не надо, Федя. Только не гони. Мне трезвон не нужен, а вот лёгкий, неторопливый звон ой как нужен. Ровно держи, чтоб лошадь не спотыкалась и колокольчик не срывался. Твой колокольчик для меня сейчас в самый раз.

– Сделаю, как говоришь...

После этих слов, Иван побежал домой, а Федя пошёл на первый круг.

Первый проезд ничего вразумительного не дал. Иван попросил, чтоб конь у друга бежал вразвалку, как бы нехотя и снова юркнул в избу, где на верстаке у него лежала полусобранная гармонь. Быстро уселся и стал ждать Фединоного колокольчика. А вот и он, появился, слышно далеко. Главное всё успеть сделать до его звукового наезда... Иван левой рукой трогает клавиши, правая клавиатура ему сейчас не нужна.

Вот он, родной, вот он. Звон ещё не в полную силу прорезался, но уже задаёт, задаёт, задаёт... Ух-ты, повалил... густой... без развалки, без раскачки, ровно режет... Вот он всё ближе, ближе... и вдруг, играючись, ворвался, захватил Ивановы аккорды и стал с ними одним единым и неделимым. Иван и опомнится не успел, а уже всё произошло, чего он ждал и о чём боязно было ему даже думать и мечтать. Он встал из-за верстака, вышел на середину мастерской и, держа в руке гармонику, стал робко пританцовывать.

«Ахи... тани... тани.... тани

Тани выжгучие,

Ах вы, Тани - таробани

Сами выскочили...

В этот момент в дом ввалился Фёдор. Он увидел пританцовывающего Ивана, встал рядом и, не спрашивая ни о чём, стал подтанцовывать.

«Ахи... тани... тани.... тани

Тани выжгучие,
Ах вы, Тани - таробани
Сами выскочили...

Эй, хей, хей вей! – кричал Иван, поднимая
длинные ноги.

– хей-вей!!! – Кричал Фёдор и наддавал своими
короткими кривоватыми...

Подпевали они оба, то что пришло на ум...

Такого эффекта мастер не ожидал. Собранная, пусть и кое-как, для проверки, гармонь дала взрывной эффект. Его изобретение превзошло даже самые радужные ожидания. Гармоника пела и плясала у него в руках. Её нельзя было заглушить ничем. Её голос был сильнее десятка таких гармоник вместе взятых. Её нельзя было перекричать и перетопать. А ещё она была очень весёлой и задорной.

«Вот это успех, – думал Иван. – Эдакая удача. И где? В родном доме. Теперь можно и фирму свою открывать. «Иван Торопок и К». А что, надо об этом подумать...».

Удовлетворённый сделанным, Иван вышел из мастерской, прошёл в горницу и опешил – за столом сидел тот самый старичок с длинной белой бородой, с которым он, будучи ребёнком, разговаривал на плотине. Его Иван запомнил на всю жизнь. Но, как он прошёл, дверь ведь заперта, вон и сейчас на крючке...

– Здравствуйте, дедушка, – проговорил Иван и поклонился.

– Бог в помощь твоему делу, сынок. Ну как, удалась тебе гармошка?

– Удалась, дедушка, удалась, Ещё как удалась! Твоё доброе сердце и милость Божия ко мне, вот почему удалась.

– Спасибо, сынок, за правильные слова. Только это не всё. Теперь к тебе придёт людская слава, почёт, уважение. Ты сделал гармошку на все времена. А где людская слава – там и хорошие заказы. Так ведь? – и старичок в упор посмотрел на Ивана. – А где заказы, там и деньги. Много денег, Иван. Крепко запомни – деньги славу не дают. А слава счастья не даёт.

– А я только что подумал о том, что я самый счастливый человек в мире, – просто сказал Иван дедушке.

– Это не счастье, Иван, это его тень и не более. У тебя есть возможность стать одним из счастливейших мира сего. – Проговорил Божий человек.

– Чего же для этого надо сделать?

– Можно сделать, можно. Только это очень тяжело. Очень тяжело Иван. Не каждому в мире сим это по плечу.

– Что же надо сделать, дедуль?! Скажи...

– Отрекись Иван от славы. Отрекись от изобретённого тобой инструмента. Отдай его людям просто

так, без имени и вознаграждений. Почести в миру – это яд для человеческой души. Отвернись от всего и иди, служи Богу. Он тебя знает и помнит.

Только хотел Иван задать прозорливцу вопрос о Насте, как глядь, а старичка уже и не стало.

Скомпоновав гармошку, через три дня Иван уехал в Саратов. Первым делом он показал её братьям Карелиным. Те были от новой гармошки в восторге. Хотя гармошка была экспериментальная и сделана на скорую руку, найденное созвучие шокировало мастеров.

– У неё есть свой голос. У неё есть свой голос, – повторял уже совсем старенький отец семейства.

– Как ты до колокольчиков додумался? – спрашивали братья.

– Друг детства ехал по деревне с колокольчиком, а я в это время аккорды шевелил, оно и совпало. Затем нашёл в своём ящике старые валдайские и приспособил.

– Вы как хотите, а я буду выходить на промышленный уровень, – сказал Николай весело. С такой гармошкой можно горы своротить.

– А я с этого дня буду делать экспериментальную показную модель, – проговорил Иван. Я Насте обещал, – и тут же задумчиво добавил. – Если б знать как она там за границей?

– Приедет – узнаешь. – Тряхнув кудрями, подытожил Дмитрий.

Целых три месяца подгонял звуки и конструировал новые детали Иван. Наконец пробный вариант был сделан, а вечером, он пошёл к дому Насти. Вдруг он сумеет что-то узнать. Дальше порога его не пустил слуга в ливрее. Тогда он зашёл с другой стороны дома и наткнулся на дворника. Тот было замахнулся на непрошеного гостя метлой, но, признав в нём Ивана, проговорил: «А мы уж тебя тут давно похоронили... – и тут же стал сморкаться и прятать от Ивана глаза.

– Ты что, старик, что-то от меня скрываешь.
Говори!

– Нет больше нашего цветочка, нет больше Настеньки. Увял наш лазоревый. Померла она.

– Так она ж за границей.

– В Греции той самой и померла. Это я виноват, грех на мне.

– Что за грех?

– Мне брат её денег дал и велел сказать, что ты умер от побоев.

– И ты выполнил его указание!? – схватив старика за грудки, спросил Иван.

– Он пригрозил меня прогнать с работы.

– И ты!?

Старик, не глядя на Ивана, кивнул:

– Только она умерла ни здесь, а в Греции. Когда ей кто-то сказал, что ты жив. Там её и похоронили.

– От этой информации у неё и произошёл удар.

– Хватит, дед! Можешь больше ничего не говорить. Убийцы вы все, – затем он остановился, достал из сумки гармошку и сказал сторожу.

– Передай это хозяину. Пусть поставят гармошку на её окно, – я ей обещал.

Иван встал и медленно пошёл со двора. В голову лезли разные мысли. Он понимал, что провидец предвидел этот вопрос и до поры до времени не захотел на него отвечать. Он не хотел мешать созданию уникального инструмента. А вечером в доме Карелиных состоялся его разговор с братьями.

– Ухожу я от вас, – проговорил Иван, – пытаюсь задавить ком в горле. – Оставляю вам свою гармошку с колокольчиками. Ту, что делал, я отдал Насте, как и обещал, а другие – вы сделаете сами и будьте, как и прежде добрыми и хорошими людьми. Меня же вы больше не увидите и обо мне не услышите.

– Ты что говоришь! – прервал его Николай.

– Не надо меня уговаривать. Я благодарен вам за всё, что вы для меня сделали, – прервал его Иван. – Не о том ты говоришь. А я знаю, о чём говорю. Прощайте. – И, не говоря ни слова, вышел.

Потом говорили, что видели Ивана в одном из мужских монастырей. Толки разные ходили. А вот гармошка с колокольчиками с той поры живёт и процветает. Правда

никто не знает, кто её изобрёл. Говорили будто Николай Карелин, но он этого при своей жизни ни разу не подтвердил.

Эпилог

По дороге с Афона идёт высокий монах. Жарко. Он то и дело снимает клобук и вытирает со лба пот. Это Монах Василий. Он изрядно устал и всё чаще смотрит по сторонам, чтобы отыскать раскидистое дерево, под которым можно переждать жару. А вот и олива. Путник растягивается под оливой на земле. Он даже стал дремать, как вдруг ему послышались отдельные звуки игрального инструмента. Он не мог спутать это звучание ни с чем. Василий приподнялся, точно, гармошка. Откуда она здесь? Монах встал и пошёл на звуки гармошки напрямую. Где здесь дорога, к тому месту, где играет гармошка он не знал. Продираясь сквозь заросли дикого винограда он вскоре вышел на маленькое кладбище. У одной из могилок сидел на скамеечке офицер-калека. У него не было ноги. Её заменяла вырезанная деревяшка в виде бутылки. Тут же рядом лежали костыли. Когда монах взглянул в лицо офицеру, то буквально остолбенел. Вся левая половина лица напоминала едва зажившую рану. Монах остановился на расстоянии и стал слушать.

Нет, ему никогда не доводилось слышать такое виртуозное исполнение. Гармошка рыдала и плясала в руках гармониста. И вдруг ударили колокольчики. Ах, как он играл, как играл. Монах стоял замороженный.

Кончив играть, офицер обратился к слушающему:

– Что? Нравится?

– Здорово. А почему вы играете на кладбище?

– Сегодня день рождения моей сестры. Я каждый год здесь играю в день её рождения и смерти.

– Как её звали?

– Настя.

Монах вздрогнул и всмотрелся в лицо офицера.

– Где ж вас так?

– Турки наследили.

– Вы что, из России в Грецию приезжаете?

– Нет. Это накладно. В России меня уже ничто не держит. Родители умерли, а я сюда перебрался и к Афону поближе и к могилке. Я раньше тоже здесь бывал. Снимал комнату у гречанки, потом уезжал. После войны всё перевернулось. О женитьбе не могло быть и речи. Прежние богатые барыни стали от меня воротить нос, а те, что победнее, были рады не мне, а родительским банковским сбережениям. Я, понимая это, тем более, что родители мои умерли и меня в Саратове ничего не держало, поехал в Грецию. Поначалу встал на постой у той же хозяйки. У неё ещё небольшой садик имеется. Она приняла меня хорошо, расцеловала даже. За мной, как за ребёнком стала смотреть. Я тоже помогал ей, чем мог, где в доме что сделать, или в саду – это моё. Привыкли друг к другу, теперь живём вместе. А кто я ей был – русский офицер-калека. Скучать здесь не

приходится. Греки часто зовут меня на свадьбы и другие праздники.

– А откуда у вас эта гармошка, если не секрет?

Эта гармошка сестрёнки моей, Настеньки – и он кивнул на могилку. Правда, она её ни разу не видела. Мастер сделал гармошку, когда она уже была за границей. Так она попала ко мне. Вот, играю. – И он похлопал её по блестящему боку. Моя Сотирия меня спасла.

– Господни пути неисповедимы, – проговорил монах Василий. – Знает, где упадёшь и знает, где подать десницу.

Вдруг на противоположной стороне кладбища раздался звонкий голосок девочки лет семи: «Папа! Папа! Мама зовёт домой. Я сама понесу гармонь». Она подошла к отцу, поцеловала его в щёку и что-то быстро стала говорить по-гречески. Отец отвечал по-русски. В это время монах повернулся и, не сказав ни слова, стал уходить, высоко поднимая ноги и перешагивая через заросли какой-то цепляющееся за ноги травы.

– А как вас зовут? – спросил вслед офицер.

– Отец Василий – не поворачиваясь сказал монах.

– А мирское имя?

– Мирского у меня давно нет.

24.10. 2021 год

Африкантов Пётр Петрович

Иванова гармонь

или

*сказ о том, как на саратовской
гармонике колокольчики зазвенели*